

С.И. Уманец

**Воспоминания о князе С.В.
Шаховском и балтийские
очерки**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С.И. Уманец**
Воспоминания о князе С.В.Шаховском и балтийские очерки / С.И. Уманец –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 161 с.

ISBN 978-5-518-07162-9

ISBN 978-5-518-07162-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

Воспоминанія о князѣ С. В. Шаховскомъ.

Не говори съ тоской: *ихъ нѣтъ*,
Но съ благодарностію: *были!*...

В. Жуковскій.

Жердвь волненя жизни просятъ,
Словно воды морскихъ громады!
Сильныхъ волны вверхъ выносятъ,
Слабыхъ—топить безъ пощады!

Адамъ Мицкевичъ.

Я познакомился съ бывшимъ эстляндскимъ губернаторомъ, княземъ Сергѣемъ Владимировичемъ Шаховскимъ, въ апрѣлѣ 1893 года.

Я хотѣлъ въ то время совсѣмъ уѣхать изъ Петербурга, гдѣ начать службу, и пожить въ провинціи, послужить въ обстановкѣ болѣе близкой къ дѣйствительной жизни съ ея неотложными нуждами и насущными вопросами, чѣмъ та, при которой приходится работать въ министерскихъ канцеляріяхъ и департаментахъ Петербурга, представляющихъ собою своего рода Олимпъ, до котораго не всегда доходитъ настоящая русская жизнь. будничная и ни чѣмъ не прикрашенная.

При посредствѣ одного моего добраго знакомаго, давно меня знавшаго и бывшаго въ дружескихъ отношеніяхъ съ княземъ С. В. и княгиней Е. Д. Шаховскими, мнѣ совершенно неожиданно представилась возможность получить мѣсто въ балтійскомъ краѣ, а именно въ Ревелѣ.

Я съ восторгомъ схватился за это: состоять на службѣ при такомъ недюжинномъ русскомъ государственномъ дѣятелѣ Остзейскаго края, какимъ былъ покойный князь С. В. Шаховской, было, разумѣется въ высшей степени и лестно и заманчиво, такъ какъ давало возможность лично сопрیکоснуться съ этимъ выдающимся и талантливымъ русскимъ администраторомъ на нашей полурусской окраинѣ и сразу, такъ сказать,

окунуться въ кипучую дѣятельность, которая царила тогда въ Ревелѣ, благодаря свойствамъ личности и характера самого начальника края.

Первое мое свиданіе съ княземъ С. В. произошло, какъ я уже упомянулъ, въ апрѣлѣ 1893 г., въ квартирѣ младшаго брата князя С. В.,—князя Николая Владимировича Шаховского, нынѣ благополучно здравствующаго и бывшаго тогда чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ. Князь С. В. пріѣхалъ тогда изъ Ревеля лишь на нѣсколько дней по какому-то дѣлу (кажется для участія въ какихъ-то совѣщаніяхъ, касающихся балтійскаго края) и остановился, какъ ежегодно это дѣлалъ, пріѣзжая въ Петербургъ, у своего брата, жившаго въ описываемое время въ домѣ Жербина, на Михайловской площади.

Я явился къ князю рано утромъ, чтобы навѣрно застать дома, и чуть не опоздалъ. Я нашелъ князя уже совсѣмъ готовымъ къ выѣзду: онъ былъ въ вицмундирѣ и собирался ѣхать къ товарищу министра. Князь С. В. былъ высокаго роста, широкоплечій и довольно полный блондинъ съ умными и добрыми сѣрыми, съ синимъ отливомъ, глазами и красивой окладистой бородой, которую онъ расчесывалъ на двѣ половины, что чрезвычайно шло къ его благообразному лицу чисто славянскаго типа. Голосъ у князя былъ удивительно пріятный—это былъ басъ съ бархатными нотоми и ласкавшими слухъ переливами. Внѣшность князя сразу располагала въ его пользу и, вы, съ первой же минуты знакомства съ этимъ симпатичнымъ человѣкомъ, чувствовали себя въ числѣ его друзей.

Князь встрѣтилъ меня съ той обходительностью, любезностью и добродушіемъ, какими всегда отличалось его обращеніе съ людьми, имѣвшими до него нужду, и извинился, что на этотъ разъ можетъ принять меня лишь на самое короткое время. Онъ, однако, распросилъ меня довольно подробно о моей предыдущей службѣ и выразилъ удовольствіе, что я окончилъ курсъ въ Императорскомъ Лицеѣ въ память Цесаревича Николая, въ Москвѣ:

— Люди съ русскимъ направленіемъ, чисто русскимъ образомъ мыслей намъ очень нужны въ нашемъ краѣ, сказалъ князь, и я отъ души радъ вашему желанію послужить у насъ..

Черезъ день или два я снова былъ у князя С. В. и такъ же, какъ и въ первый разъ, рано утромъ.

Я засталъ князя уже за работой. Онъ просматривалъ

какія-то бумаги и исправлялъ текстъ какой-то записки. Князь вѣкуда на этотъ разъ не торопился и мы могли переговорить болѣе обстоятельно. Я упомянулъ, между прочимъ, не припомню теперь по какому именно случаю, что интересуюсь вообще сектантскимъ движеніемъ.

— У васъ пропасть сектантовъ, сказалъ князь, — если вы ими интересуетесь, у васъ будетъ богатый матерьялъ подъ рукою. — Знаете что, прибавилъ онъ, помолчавъ, — я исправляю теперь большую записку о лютеранскомъ сектанствѣ въ Эстляндіи, которая должна подробно ознакомить наши высшія сферы съ положеніемъ этого дѣла у меня въ губерніи. Записка эта составлялась, къ сожалѣнію разными лицами, въ довольно продолжительный промежутокъ времени, и слогъ ея неодинаковъ и мѣстами значительно хромаетъ... Я бы попросилъ васъ, какъ будущаго моего чиновника, теперь же внимательно просмотрѣть всю эту работу, выправить стиль, прибавить что нибудь отъ себя... Вы ничего не имѣете противъ?

Конечно, я съ полной готовностью исполнилъ это первое служебное порученіе, полученное мною отъ князя С. В., и сдѣлавъ то, что онъ просилъ меня, въ наискорѣйшее время, работая съ лихорадочной поспѣшностью по дѣльнымъ днямъ. Предъ возвращеніемъ князя въ Ревель я уже представилъ ему вышеупомянутую записку въ совсѣмъ исправленномъ видѣ. Поработать надъ ней пришлось гораздо болѣе, чѣмъ я сначала предполагалъ, но я былъ, тѣмъ не менѣе, очень доволенъ этимъ порученіемъ, такъ какъ сразу ознакомился съ религіознымъ движеніемъ въ Эстляндіи, послужившимъ въ послѣдствіи содержаніемъ моей статьи, составленной во время пребыванія въ Ревель *).

При прощаніи князь С. В. обѣщаль мнѣ увѣдомить меня, когда долженъ я пріѣхать въ Ревель, такъ какъ назначеніе меня на службу въ Ревель, сопряжено было съ нѣкоторой проектируемой княземъ комбинаціей въ личномъ составѣ мѣстныхъ служащихъ, имѣвшей состояться въ началѣ лѣта.

Прошелъ, однако, іюнь, наступилъ и іюль, а я все еще не получалъ ожидаемаго извѣщенія. Я написалъ князю въ Крымъ, въ Симеизъ, гдѣ въ то время князь съ супругой проводилъ отпускъ, въ имѣніи своего тестя, графа Д. А. Милютина, нынѣ фельдмаршала, бывшаго военнаго министра при

*) См. помѣщенный ниже очеркъ «Изъ исторіи лютеранскаго сектанства въ Эстляндіи».

императоръ Александръ II. На письмо мое не послѣдовало отвѣта. Это меня встревожило и въ исходѣ іюля я, узнавъ, что князь уже возвратился изъ отпуска, поѣхалъ въ Ревель, чтобы лично узнать о положеніи своего дѣла.

Князь проживалъ въ Екатериненталѣ, на дачѣ, близъ Ревеля. Начальникъ губерніи занималъ всю правую половину бель-этажа Екатеринентальскаго дворца, выстроеннаго нѣкогда Петромъ Великимъ среди густаго парка, на берегу моря, посажденнаго также волею этого монарха *).

— Я не получилъ вашего письма, сказалъ мнѣ князь, выйдя ко мнѣ въ залъ съ крытой веранды, выходившей въ садъ. — Или письмо ваше затерялось или я его куда нибудь самъ положилъ, а потомъ забылъ. Вы прекрасно сдѣлали, что пріѣхали сюда сами! Мы переговоримъ за завтракомъ; теперь я очень занятъ... Подождите меня немножко на балконѣ.

Я вошелъ на балконъ, расположенный надъ порталомъ дворца. Предъ мною раскрылся прелестный видъ на тѣнистыя аллеи столѣтняго парка. Былъ жаркій лѣтній день. Небо было безоблачно. За завтракомъ, къ которому вышла изъ своихъ апартаментовъ супруга князя, княгиня Е. Д. Шаховская, я встрѣтилъ двухъ чиновниковъ мѣстной администраціи, старшую сестру милосердія мѣстной общины сестеръ милосердія Краснаго Креста и еще одну даму. Разговоръ, какъ и всегда, когда имъ руководилъ князь, былъ оживленный, непринужденный, веселый. Князь, между прочимъ, сообщилъ мнѣ, что предназначенная имъ для меня вакансія еще не освободилась, и предложилъ занять временно другое мѣсто, на что я и согласился.

Къ концу завтрака, за кофеемъ, князь сталъ торопиться — ему надобно было ѣхать на засѣданье губернскаго присутствія по крестьянскимъ дѣламъ.

— А вы, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, сейчасъ-же поѣзжайте къ правителю моей канцеляріи и подайте прошеніе. Все будетъ сдѣлано въ нѣсколько дней..

Князь любилъ дѣйствовать быстро, сразу, безъ излишнихъ, вредящихъ дѣлу, проволочекъ.

Черезъ какія-нибудь двѣ недѣли я, въ половинѣ августа, уже перебрался съ семьей на жительство въ Ревель и вступилъ въ исправленіе своихъ новыхъ обязанностей.

По пріѣздѣ я почти никого не засталъ въ Ревелѣ. Всѣ, съ княземъ и княгиней Шаховскими во главѣ, уѣхали въ

Пюхтицу, въ Успенскій женскій монастырь, гдѣ 15 августа, въ день Успенія Пресвятой Богородицы, должно было въ тотъ годъ происходить какое-то церковное торжество, кажется поднятiе новыхъ колоколовъ на монастырскую церковь.

Кто изъ бывшихъ или служившихъ въ Эстляндiи не слышалъ о Пюхтицѣ или не побывалъ самъ въ этомъ достопримѣчательномъ мѣстѣ, недалеко отъ Ревеля, вблизи станціи Левве, Везенбергскаго уѣзда?

Въ шестнадцать верстахъ на сѣверо-западъ отъ Чудскаго озера, на границѣ Псковской и Петербургской губерній, вышается тремя уступами холмъ, называемый мѣстнымъ населенiемъ «Богородицкой горою», а вся мѣстность окрестъ носить названiе «Пюхтица», что поэстонски значитъ «святое мѣсто». У подножія горы расположены деревушки Лехтепе и Сомпе, или «Пюхтица», и нѣсколько отдѣльных крестьянскихъ дворовъ. Населенiе этихъ деревень состоитъ частью изъ чисто русскихъ крестьянъ, а частью изъ такъ называемыхъ «полувѣрцевъ»*), — олютеранившихся русскихъ поселенцевъ, не утратившихъ, однако, окончательно приверженности къ своей прежней вѣрѣ, т. е. православію.

Разселяясь по пюхтицкому краю, православные русскіе издавна терпѣли здѣсь всяческія притѣсненія отъ нѣмецкихъ насельниковъ, искони стремившихся сначала обратить занесенную сюда судьбою горсть русскихъ людей въ латинство, а затѣмъ въ лютеранство. Результатомъ этой борьбы и явились «полувѣрцы», — русскіе, принявшіе поневолѣ навязанное имъ силою лютеранство, но во многомъ оставшіеся вѣрными православію.

Посѣщая кирку, они чтутъ въ то-же время иконы православнаго письма, соблюдаютъ посты и обряды нашей церкви, примѣшивая русскіе слова къ эстонской рѣчи, а въ домашнемъ быту употребляютъ русскій языкъ и придерживаются исконнымъ русскимъ обычаямъ.

Краснорѣчиво говорящимъ за себя памятникомъ господствовавшаго здѣсь нѣкогда православія является пюхтицкая Успенская часовня на нижнемъ уступѣ Богородицкой горы, существующая здѣсь съ незапамятныхъ временъ и выстроенная вслѣдствіе обрѣтенія, у протекающаго вблизи источника, иконы Успенія Божіей Матери. Въ этой часовнѣ мѣстные

*) Подробности о «полувѣрцахъ» читатели найдутъ ниже въ статьѣ «Эстонскіе полувѣрцы».

православные крестьяне совершали ежегодно, въ Успеневъ день, торжественное богослуженіе.

Съ устройствомъ, въ 1818 г., въ отстоящемъ въ 25 верстахъ отъ Пюхтицы, селѣ Сырепцѣ православнаго прихода, икона была перенесена туда, и только однажды въ годъ, въ день Успенія Пресвятой Богородицы, она снова водворяется на нѣкоторое время, съ крестнымъ ходомъ, въ часовню. Часовня эта, иждивеніемъ и трудами окрестныхъ православныхъ, постоянно поддерживалась и ремонтировалась, а въ восьмидесятыхъ годахъ была выстроена, также на добротныя жертвованія, новая часовня, рядомъ съ прежней, и обращена, въ 1885 г., въ православный храмъ во имя Успенія Божіей Матери.

Эти постоянныя заботы мѣстнаго населенія о пюхтицкой часовнѣ вызвали основаніе въ Пюхтицѣ, въ 1885 г., самостоятельнаго православнаго прихода.

Съ этого-же именно времени на Пюхтицу стали обращать серьезное вниманіе и люди, которымъ дороги задачи и завѣты русской народности и православія въ балтійскомъ краѣ.

Въ 1887 году, по мысли князя С. В. Шаховскаго, въ м. Іевве, расположенномъ въ двадцати пяти верстахъ отъ Пюхтицы, учреждено было отдѣленіе православнаго прибалтійскаго братства Христа Спасителя и Покрова Божіей Матери, подъ предсѣдательствомъ супруги князя С. В.,—княгини Елизаветы Дмитриевны Шаховской.

Ближайшею своею задачею вновь возникшее братство поставило, на первое время, призрѣніе и воспитаніе мѣстныхъ сиротъ православнаго исповѣданія, а также оказаніе медицинской помощи сельскому населенію, безъ различія исповѣданій, посредствомъ устройства пріютовъ и лѣчебницъ, по возможности, съ постоянными кроватами.

Въ первый же годъ своего существованія братство открыло въ м. Іевве школу, а въ 1888 г. устроило тамъ лѣчебницу съ аптекой, приемнымъ покоемъ и двумя комнатами для помѣщенія амбулаторныхъ больныхъ. Затѣмъ, въ теченіе 1889 и 1890 г., въ Іевве были открыты пріютъ для православныхъ сиротъ и руководѣльная для приходящихъ ученицъ, безъ различія вѣроисповѣданія, а также сформированъ церковный хоръ и положено начало школѣ иконописи.

Все это было, однако, лишь одной подготовительной работой. Главною своею и священною цѣлью учрежденное трудами князя и княгини Шаховскихъ братство полагало устрой-

ство женской обители на Богородицкой горѣ, въ Пюхтицѣ, куда современемъ могли бы быть перевесены и всѣ вновь открытыя въ Іевве благотворительныя учрежденія.

Благодаря упорной и неослабной энергіи князя С. В. Шаховскаго, вся Богородицкая гора была изъята изъ рукъ иновѣрцевъ и стала собственностью православнаго духовнаго вѣдомства. По всеподданнѣйшемъ докладѣ оберъ-прокурора Св. Синода, К. П. Побѣдоносцева, 29-го апрѣля 1891 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе на предоставленіе Богородицкой горы въ полное и исключительное владѣніе православной церкви.

Этотъ важный шагъ въ дѣлѣ упроченія православія въ пюхтицкомъ краѣ, начавшемъ, подъ гнетомъ злой судьбы, терять свой прежній православный обликъ, открылъ іеввенскому братству возможность осуществить свое намѣреніе устроить на Богородицкой горѣ женскій монастырь съ благотворительными при немъ учрежденіями. По ходатайству мѣстнаго преосвященнаго, Св. Синодомъ разрѣшено было учредить на Богородицкой горѣ Пюхтицкую Успенскую женскую общину, открытіе которой и состоялось 15-го августа 1891 года. Къ этому двю заботами княгини Е. Д. Шаховской былъ оконченъ новый деревянный домъ на Богородицкой горѣ, для помѣщенія сестеръ. Въ тотъ же знаменательный для жизни Пюхтицкаго края день община была осчастливлена Монаршей милостью — пожалованіемъ въ Бозѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Александромъ III богатыхъ священническихъ облаченій въ пюхтицкую церковь.

Для упроченія Пюхтицкой женской общины Іеввенское братство приобрѣло для нея два сосѣднихъ съ Богородицкой горой земельныхъ участка, съ полнымъ хозяйствомъ и инвентаремъ, и приступило къ устройству храма. Для этой цѣли братство рѣшило воспользоваться недостроеннымъ зданіемъ кирки, возводимой было въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ упомянутой выше православной часовни. Это зданіе и было обращено въ соборный храмъ общины...

Отчего-же кирка осталась недостроенной? Постройка на одномъ изъ уступовъ Богородицкой горы лютеранской кирки шла до 1885 г. безостановочно и вполне успѣшно. Ее возводили мѣстные радѣтели лютеранства *), не желая отказаться отъ Пюхтицы, гдѣ все еще теплилась искорка право-

*) См. «Изъ исторіи лютеранскаго септантства въ Финляндіи»

славія... Къ августу 1885 г. кирка была подведена уже подъ крышу, а на 15-е число того-же мѣсяца было назначено ея торжественное освященіе.

Не будь тогда эстляндскимъ губернаторомъ князя Сергѣя Владиміровича, кирка возвышалась бы нынѣ на Богородицкой горѣ, служа оплотомъ враждебныхъ намъ въ Пюхтицкомъ краѣ элементовъ и опорнымъ пунктомъ лютеранства, начавшаго было съ такимъ успѣхомъ вытѣснять съ Пюхтицы исконную православную вѣру ея поселенцевъ.

Но Господь судилъ иначе. Наканунѣ Успеньева дня, 14-го августа 1885 г., въ 6 часовъ вечера въ православной пюхтицкой часовнѣ началось всенощное бдѣніе, а въ строившейся вблизи киркѣ рабочіе, почти сплошь православные, торопливо складывали инструменты и. набожно крестясь, направлялись въ часовню, ко всенощной.

Они уже не возвратились болѣе къ своимъ работамъ на постройку лютеранскаго храма: она была навсегда приостановлена и съ этого историческаго момента дальнѣйшая судьба православія въ пюхтицкомъ краѣ могла считаться обезпеченной!

Община все болѣе и болѣе расширила свою дѣятельность. Въ 1891 году при общинѣ открытъ пріютъ для дѣтей бѣдныхъ родителей, а въ слѣдующемъ году начался приемъ больныхъ въ устроенной при общинѣ лѣчебницѣ.

Въ виду быстрого возникновенія при общинѣ помянутыхъ благотворительныхъ учрежденій, она, несмотря на кратковременное свое существованіе, сразу приобрѣла къ себѣ уваженіе не только среди мѣстныхъ православныхъ, но даже и пновѣрцевъ. Приливъ богомольцевъ на Богородицкую, или Святую, гору сталъ день ото дня возрастать, и это послужило поводомъ къ возбужденію Іеввенскимъ братствомъ, съ княгиней Е. Д. Шаховской во главѣ, новаго ходатайства о преобразованіи общины въ монастырь, что и было уважено Св. Синодомъ. Пюхтицкая Успенская женская община, по опредѣленію Св. Синода, отъ 23-го октября 1893 г., была преобразована въ монастырь.

Такова, въ краткихъ чертахъ, знаменательная исторія Пюхтицы, неразрывно связанной съ незабвеннымъ именемъ кн. С. В. Шаховскаго, *буквально спасши ея для православія и русской народности.*

Въ двадцатыхъ числахъ августа князь С. В. съ княгиней Елизаветой Дмитріевной, чины администраціи и мѣстные представители разныхъ вѣдомствъ возвратились изъ Пюхтицкаго

монастыря въ Ревель и я представился моему новому начальнику.

Князь принялъ меня въ своемъ маленькомъ, примыкающемъ къ губернаторской канцеляріи рабочемъ кабинетѣ, гдѣ онъ обыкновенно принималъ доклады и ближайшихъ по службѣ лицъ, расположенномъ рядомъ съ большимъ своимъ кабинетомъ, красивой, высокой и свѣтлой комнатой, окнами на внутренній дворъ. Рядомъ была приемная, выходявшая въ просторную столовую.

Князь занималъ обширное помѣщеніе въ верхнемъ отдѣленіи стараго замка, на Вышгородѣ, помнящаго отдаленныя времена балтійскаго рыцарства, эпоху процвѣтанія Ордена и тяжелые дни датскаго и шведскаго владычества. Историческій эстляндскій замокъ давно перемѣнилъ свою прежнюю средне-вѣковую фізіономію, будучи перестроенъ при императрицѣ Екатеринѣ II. Теперь онъ носитъ казарменный видъ. Остались лишь прежнія, такъ много на своемъ вѣку видѣвшія и претерпѣвшія незыблемыя стѣны необъятной толщины, да живописная «башня Германа», стоящая въ лѣвомъ углу двора замка и издали красиво выделяющаяся своимъ темнымъ контуромъ, какъ тѣнь сѣдой, полулегендарной старины.

— Вамъ, сказалъ мнѣ князь, привыкшему къ строгому формализму и нѣкоторому равнодушію къ работѣ, что замѣчается въ Петербургѣ, будетъ на первый разъ у насъ странно: мы тутъ живемъ нервнѣе, чѣмъ въ столицѣ, а дѣло наше такое живое, такое впогда захватывающее, что иной разъ и нельзя даже его по шаблону дѣлать... Вотъ вы сами увидите и, главное, — не теряйтесь, — если что очень нужно, спросите у меня... Постепенно вы втянетесь и поймете, что иначе здѣсь невозможно работать... Вы пріѣхали къ намъ на исходѣ нашего дѣла: почти все, что надо было сдѣлать, слава Богу, сдѣлано, а что прежде было!... Боже мой, сколько всякихъ волненій и борьбы пришлось перенести! А кстати — займитесь-ка мѣстными постановленіями: у насъ тутъ свой особый міръ во всемъ, и въ складѣ жизни, и въ обычаяхъ, и во вкусахъ, и въ законахъ!

Энергія въ работѣ безъ откладыванія «въ долгій ящикъ» была отличительной, субъективной чертой князя, умѣвшаго при этомъ съ удивительной вѣрностью сразу различать, что въ дѣлѣ существенно важно и что неважно, за что надо приняться поскорѣе и что можетъ подождать. Эту-же энергію, скорость и готовность къ работѣ князь умѣлъ вселять и въ

окружавшихъ его лицъ, которыхъ вдохновлялъ собственнымъ примѣромъ. работая почти безъ передышки весь день. Вставая очень рано, князь занимался и принималъ просителей до завтрака, затѣмъ уѣзжалъ по дѣламъ или председательствовалъ въ очередныхъ засѣданіяхъ, гдѣ всегда являлся вполнѣ хозяиномъ своего дѣла, такъ какъ постоянно въ совершенствѣ зналъ разсматриваемые вопросы и всю предыдущую по нимъ переписку и умѣлъ вести пренія такъ, что все нужное выступало наружу, не давая разыгрываться вредящему дѣлу словоговоренію.

Передъ обѣдомъ (въ 6 — 7 часовъ) князь обыкновенно спалъ часъ или полтора, а послѣ обѣда опять занимался, читалъ, просматривалъ, велъ дѣловыя бесѣды, но уже никогда не подписывалъ бумагъ рѣшающаго и серьезнаго значенія.

— Я это дѣлаю непременно утромъ, говорилъ онъ, со свѣжей головой и вполнѣ отдохнувши... «Злобы дня» иногда затемняютъ мысль и направляютъ рѣшенія не на должный путь. Утромъ же, до всякихъ встрѣчъ, впечатлѣній и разговоровъ, все какъ-то яснѣе, проще, виднѣе.

Подписывая по утрамъ, въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, бумаги, по канцеляріи и губернскому правленію, князь всегда знакомился со всей перепиской по тому или иному дѣлу, и поэтому настолько хорошо зналъ положеніе каждаго вопроса, что зачастую могъ въ этомъ отношеніи поспорить съ любымъ изъ своихъ совѣтниковъ и дѣлопроизводителей. Въ бытность мою въ Ревель князь не разъ указывалъ своимъ чиновникамъ на ошибки въ дѣлопроизводствѣ, незамѣченныя лицами, близко стоявшими къ дѣлу, но не укрывшіяся отъ зоркаго наблюденія образцоваго начальника губерніи.

По вечерамъ князь любилъ иногда поиграть въ карты у знакомыхъ или въ русскомъ общественномъ собраніи.

Это собраніе находилось въ описываемое время въ наемной квартирѣ одного изъ большихъ каменныхъ домовъ на Серебряной ул. (по мѣстному названію Schimide-Strasze), близъ Вышгорода, и нельзя сказать, чтобы оно помѣщалось удобно. Въ квартирѣ, занимаемой русскимъ клубомъ, хотя и весьма обширной, было множество неудобствъ: она была холодная, сыроватая, грязноватая, съ вѣчными сквозняками и окнами, отъ которыхъ дуло, какъ изъ погреба. Потребность для клуба въ другомъ, болѣе изящномъ, уютномъ и соответствующемъ помѣщеніи сказывалась уже давно, и князя не покидала мысль о возможности соорудить особый домъ для русскаго общественнаго собранія въ Ревель.